

Максим Дымов
ПРИГОВОРЁННАЯ

ПАРАЛЛЕЛЬ

Максим ДЫМОВ

Приговорённая. Параллель

«Издательские решения»

ДЫМОВ М.

Приговорённая. Параллель / М. ДЫМОВ — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905058-8

«Приговорённая» — повесть в жанре киберпанк. Действия повести, как и всей серии «Параллель», происходят в альтернативной реальности. Земля, разрываемая войной и техногенными катастрофами, переживает начало новой эры. Города-крепости, изолированные от враждебного мира — островки безопасности, снаружи вот уже пятнадцать лет идёт война. Главную героиню — Киру — обвиняют в убийстве, которого она не совершала. В качестве наказания ей предстоит изгнание во внешний мир...

ISBN 978-5-44-905058-8

© ДЫМОВ М.
© Издательские решения

Содержание

Приговорённая	6
Глава первая	7
Приговор	7
Глава вторая	15
Синяя бездна	15
Глава третья	20
Край	20
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Приговорённая Параллель

Максим Дымов

© Максим Дымов, 2018

ISBN 978-5-4490-5058-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Приговорённая

Беспечное бытие, надежды и планы... мечты... всё может быть в одночасье разрушено малодушием и трусостью одних, подлостью других и безвольной натурой третьих.

Но порой нужно что-то разрушить, дабы возвести нечто новое и более прекрасное.

Каждый день солнце оставляет нас, погрузив во тьму и холод ночи, но лишь для того, чтобы потом вернуться, дабы в его отсутствие каждый оценил всю прелесть тепла и света, безвозмездно даруемого им.

Как часто жизнь даёт нам шанс начать всё сначала! Быть может, этот шанс выпадает не каждый день, но точно чаще, чем мы думаем. Но мы не пользуемся им. Не желая рисковать тем, что имеем, быть может, мы отрекаемся от чего-то большего. Начать писать новую книгу жизни или стирать перо о пожелтевшие, но уже привычные страницы старой – выбор каждого из нас, и никто не имеет права выбирать за нас.

Только лишившись чего-то, можно понять его ценность. Чёрная полоса существует лишь для того, чтобы после неё началась белая...

...Пятнадцатый год новой эры. Начало мая. Центральная Россия. Соколовский округ. Соколовск – центральная крепость, крепость-государство.

Несмотря на объединение всех рас в Альянс, каждая крепость была по сути отдельным государством. Весь Альянс был объединён одними военными законами и общей целью, но что касается гражданских законов – тут уже у каждой крепости и каждого поселения они были свои. Во многом закон и культура оставались очень схожи, но в каждом округе всё же были свои нюансы.

Война с Легионом продолжалась. Краткие перемирия длились не дольше полутора месяцев, так что многие их даже не замечали. Чаша весов склонялась то на сторону Альянса, то в сторону Легиона. Казалось, победой уже и не пахло. Все уже привыкли к военному положению, норты, которых уже выросло около десяти поколений, и вовсе не представляли другой жизни. Так как у нортов с возрастом всё было крайне необычно, а именно, детство проходило в течение полутора лет, а к двум годам они были уже совершенно взрослыми, при всём этом они жили не меньше людей, – благодаря этому, нередко встречались и те, кто были свидетелями начала новой эры и видели жизнь до неё, и те, кто едва достигли двух лет. Причём внешний возраст их не слишком отличался. Норты вообще не старели, как люди, по крайней мере, не превращались в дряхлых ворчащих стариков.

Воевали те, кто снаружи; те кто в крепости, жили обычной мирной жизнью. Они порой даже забывали, что там, снаружи, уже пятнадцать лет идёт война. Но всё же приоритеты, выбранные в начале новой эры, никуда не исчезли. Быть сильным, выносливым, владеть оружием, но при этом не забывать о мозгах – модно.

В крепостях люди страдали другими проблемами... замкнутое пространство, искусственное освещение, ощущение, что находишься под саркофагом и отсюда никогда не выбраться.

Глава первая

Приговор

Появление не в то время не в том месте – основная причина поворота жизни в иное русло.

Девушка, лет двадцати с виду, сидела на подоконнике в подъезде одной из многоэтажек первого этажа крепости. В лёгком красном спортивном костюме, светлые распущенные волосы лежали на груди. Невысокая, стройная, она была объектом внимания многих парней, что ей несомненно нравилось, но она умела держать дистанцию.

Старый мир она не помнит, ей с матерью посчастливилось укрыться в крепости, когда старый мир катился в пропасть. Тысячи таких крепостей были возведены по миру. Непрístupные, защищённые почти от любой внешней угрозы, они, словно купол, накрыли целые городские районы со всеми зданиями, а выше располагались километры коридоров и тысячи комнат, а дальше – внешнее перекрытие и небо. Любая крепость могла существовать полностью автономно.

Отец девушки, бывший инженер, был отправлен, как и многие, на оборону города. Он вернулся, но без левой ноги и с сильно подорванным здоровьем. Ей на тот момент было четыре года.

Через шесть лет мать умерла от болезни сердца. Отец часами пропадал на работе за чертежами и планами, после либо спал, либо пил. Девушка посещала кружок спортивной гимнастики, училась в университете на первом курсе на филологическом факультете. В общем, была самой обычной молодой студенткой, мечтательной, романтической и чувствительной. И хотя после смерти матери она уходила в себя иногда, в основном она была открытым человеком. Звали её Кира.

Кира закончила что-то писать в планшете, который из-за отсутствия Интернета стал просто тетрадь и фотоальбомом. Убрав его в дипломат, она взглянула в окно. Внизу плыл поток прохожих. На часах над входом в бар горели цифры 02:15. В крепости люди перестали чувствовать разницу во времени суток.

Кира зевнула, устало прыгнула с подоконника, закинула волосы назад и поплелась вниз. Она поднималась по полутёмной лестнице, сейчас ей хотелось только одного – спать.

Перепрыгивая ступени, вниз неслись трое парней, один из которых был почему-то в туфлях, хотя к спортивным штанам и борцовке они явно не шли. Все трое – со спортивными сумками. Они торопливо пробежали мимо Киры, оттолкнув её к стене; тот, в туфлях, Савелий, невысокий молодой человек с длинными волосами до плеч и серьгой в правом ухе, едва не сбил девушку. Он извинился и поздоровался.

– Отвали, козёл! – огрызнулась Кира.

Парень остановился. Остальные, заметив его остановку, остановились тоже и тревожно поглядывали вверх.

– Я же просто поздоровался, чо ты психуешь? – недоуменно спросил парень.

– Савва, я тебе в тот раз сказала, чтобы ты ко мне и на квартал не приближался. Я с придурками вроде тебя не общаюсь.

Парень в шортах и майке схватил его за руку и буквально поволок вниз по лестнице, что-то злобно шипя. Кира успела разобрать только: «Ты чо, тормоз? Давай шевели поршнями!»

Она поднялась на второй этаж крепости. Перед ней простирался просторный холл с отполированной плиткой на полу, мягкими диванами и цветами в горшках. Из холла расходился десяток коридоров, тут же были лифт и отдельные лестницы на каждый из следующих семи этажей.

Кира, о чём-то задумавшись, пошла по одному из коридоров. Освещение в нём, как и в большинстве остальных, на ночь было частично выключено. От прогулки по тёмному узкому петляющему коридору со множеством развилки и дверей с обеих сторон Кира ещё больше захотела спать.

Вдруг она остановилась на одном из перекрёстков.

– Чёрт, долбанные лабиринты, – проворчала она. – Какого надо было переезжать сюда? На четвёртом этаже всё гораздо проще.

Она развернулась и пошла обратно, но уже сосредоточившись на пути.

Вдруг в одном из закоулков, ведущих к одной-единственной двери, которая была распахнута, что-то привлекло её внимание.

У распахнутой железной двери, за которой сгустился зловещий мрак, порождающий детские страхи, на краю пятна света, отбрасываемого тусклой лампой, висевшей в коридоре, лежал лысый мужчина в шлёпанцах, в камуфляжных шортах и клетчатой рубашке. Он лежал в луже свежей крови. Какой-то железный ящик, напоминающий холодильник, обтянутый плёнкой, стоял рядом, его угол был запачкан кровью. На стенах тоже виднелись тёмные пятна, но разобрать в темноте, что это за пятна, было невозможно.

Кира подбежала к мужчине, бросила дипломат на пол и стала тормошить тело, спрашивая: «Что с вами? Вы меня слышите?»

Она перевернула тело и от ужаса вскрикнула и вскочила. Лицо мужчины представляло собой кровавое месиво, но она всё же узнала его. Это был Дмитрич – необычайно вредный и заносчивый старикан, работавший преподавателем истории в университете. С Дмитричем у Киры сложились особо скверные отношения.

Кира в ужасе попятилась назад, закрыв рот испачканными в крови ладонями. Окровавленные кроссовки прилипали к полу. Она развернулась и хотела убежать подальше, но налетела на четверых крепких мужиков в военной форме. Это был патруль, вернувшийся с дежурства.

– Смотри, куда летишь, – сурово буркнул один из них, но, увидев окровавленные руки Киры, тут же схватил её за плечо, прижал к стене лицом. – Руки подними! Жека, проверь, что там.

Один из бойцов заглянул в закоулок и выматерился.

– Мокруха, – сказал он.

Другой достал рацию и торопливо сообщил: «Девяносто седьмой на связи, в холл второго этажа следственную группу. Подозреваемый задержан». =

– Вызов принят, – прохрипела рация женским голосом.

– Я встречу, – сказал мужик и побежал по коридору.

– Руки подняла! – рявкнул державший Киру.

Та робко подняла руки, и, начиная заливаться слезами, что-то испуганно лепетала. Часто повторяла: «Это не я. Я просто мимо шла. Отпустите». Один из патрульных обыскал её.

Дверь допросной распахнулась. Кира, сидящая за железным столом в наручниках, подняла голову, но свет от настольной лампы, направленной в её заплаканное лицо, не дал увидеть вошедшего. Дверь закрылась, и кругом снова воцарилась тьма, – только стол с лампой и небольшой пяточок грязного бетонного пола, освещаемого лампой.

Напротив неё сел чёрный силуэт. Из-за света, бившего в лицо, нельзя было разглядеть ни малейшей детали человека, сидящего напротив.

– Ну, – неожиданно строгим женским голосом заговорил силуэт так, что Кира вздрогнула. – Чистосердечное подписывать будешь?

– Я никого не убивала. Я шла домой, увидела всё это, думала, что он ещё жив, и подбежала помочь, – монотонно говорила Кира, засыпая.

– Я эту фразу уже наизусть знаю. Все так говорят, от тех, кто по хулиганке попал, до макушников. Ты понимаешь, что тебе грозит? Все доказательства против тебя.

– Это не я. Почему вы мне не верите? – хлюпая носом, повторила подозреваемая.

– Тело свежее, буквально несколько минут прошло со времени смерти. Смерть наступила вследствие двух ударов об угол кофейного автомата, того, что стоял там, завернутый в плёнку. После его били по лицу ногами. Нам известно, что у тебя с потерпевшим были, мягко говоря, конфликтные отношения.

– Да он со многими в контрах был. Да и откуда у меня столько силы, чтобы его завалить?!

– Силы немного надо, тем более что потерпевший был пьян, и ты воспользовалась моментом и убила его. Кстати, там только твои следы, от твоих кроссовок. Ты наследила, когда убегала, а других там не найдено. Так что сознавайся, дрянь! Я с тобой не собираюсь до утра возиться.

– Я не виновата! – истерично выкрикнула Кира и ударила по столу обеими руками, скованными наручниками.

– Дура. Ты там и двух дней не протянешь, в твоём случае это смертный приговор. А ты делаешь себе только хуже. Сиди и думай. Сон тебе сегодня не светит.

Следователь вышел, и Кира положила голову на стол.

Её разбудил бархатный мужской голос. Она приподняла голову, напротив снова сидел силуэт, но более крупный.

– Ну, что вы, – говорил всё тот же голос, говорил спокойно, размеренно, – не передумали?

– И вы туда же, – зевая, проговорила Кира.

– Боец, включи свет, а то и я сейчас зевать начну.

В комнате зажгётся свет. На чёрном потолке мягким белым светом загорелись лампы дневного освещения. Вся комната, включая потолок, была выкрашена чёрной краской. Бетонный пол был усеян окурками от сигарет. У железной двери стоял полицейский с автоматом за плечом и шашкой на поясе.

Напротив Киры сидел мужчина лет 27-30-ти, в обычной гражданской одежде. Он потушил настольную лампу.

– Курите? – спросил он, достав пачку сигарет.

Кира отрицательно покачала головой.

– Не против, если я закурю? – спросил тот. Услышав в ответ лишь молчание, он прикурил от спички и продолжил: «Давайте начистоту. Вся полиция уже в курсе дела, в конце концов, убийство – большая редкость у нас. Ни один адвокат не хочет браться за это дело, поскольку оно бесперспективное».

– А вы кто? – спросила Кира, смотря в одну точку на столе.

– Я помощник прокурора. Я хочу вам помочь. Если начистоту, то скажу откровенно, что никому не нужна шумиха и бесполезное расследование, когда всё очевидно. Сейчас военное время, и такие дела решаются быстро. Вы понимаете, к чему я виду? Наказание вы понесёте в любом случае, и назначено оно будет в ближайшие дни. Только от вас зависит, каким оно будет, – говорил он спокойно, учтиво, не отрывая взгляд от Киры, подперевшей голову руками и смотревшей в одну точку. – Давай так, ты подписываешь чистосердечное, и мы прекращаем эти ночные мучения, суд пройдёт быстро, а я посодействую в смягчении наказания.

Помощник достал лист бумаги и ручку. На листе уже было что-то написано, но написанного Кира не могла разобрать, в глазах всё плыло.

– Подпишешь, и вполне возможно, что отбывать наказание ты будешь в крепости. Да, в камере, под надзором, возможно, срок будет немного больше, но ты не погибнешь. Через несколько лет выйдешь и будешь жить дальше, в крайнем случае переедешь в другую крепость. Тебе нужно это клеймо на правой руке? Срок истечёт, а оно останется, и тогда каждый будет знать о твоей судимости, даже не отправляя запрос в базу данных.

Он ещё что-то говорил, пока Кира просто не отключилась.

Двое полицейских, сняв наручники, взяли её под руки и отволокли в карцер.

Кира очнулась в карцере на деревянной кушетке. Комната была размером всего три на полтора метра с низким потолком. Стены, пол и потолок были бетонными. Над железной тюремной дверью тускло горела лампа в пожелтевшем плафоне. В углу – санузел.

Кира взглянула на свои руки, запачканные запёкшейся кровью. Жутко болела голова.

Она тяжело встала, подошла к старой раковине, на которой лежал кусок хозяйственного мыла. Отмыв руки и умывшись, она стала расхаживать от стены к стене. Головная боль притупилась от ледяной воды, а из крана текла только такая. Время от времени слёзы текли по щекам.

Наконец она взъерошила волосы и со злостью ударила несколько раз кулаками по двери, подняв гулкий грохот. Сморщившись от боли, она подскочила к раковине и, открыв кран, сунула руки под ледяную струю и продержала до тех пор, пока их не свело по локоть от ледяной воды.

Она села в углу у двери, обхватила колени руками и опустила голову. На побледневших от ледяной воды разбитых кулаках понемногу стала выступать кровь.

В голове мелькали несвязные мысли. Она всё ещё не могла поверить в то, что произошло.

Вдруг ей вспомнилось, как три года назад она с друзьями выходила на крышу крепости. Те кучевые облака, висящие в воздухе, а между ними – синяя пустота. Кругом – огромное пространство и неведь откуда берущийся ветер. Низко, над самой крышей между труб, пролетела ВПС, издавая низкий гул, пролетела на сумасшедшей скорости и исчезла где-то далеко-далеко, там, куда не достигал человеческий взор. Кира, привыкшая к вечному окружению стен и потолков, вдруг запаниковала и убежала вниз, а восторженные друзья остались на крыше. Позже она придумала оправдание, якобы забыла забрать троюродного брата из садика, хотя тот самый брат уже ходил во второй класс. Впрочем, её друзья и так догадывались, в чём дело. Многие жители крепостей наряду с депрессией страдали агорафобией – боязнью открытого пространства.

Выхода не было видно. Продолжить всё отрицать – стопроцентное изгнание, а там, снаружи, неподготовленный человек долго не протянет. Подписать признание – значит, согласиться со статусом убийцы; абсолютная перспектива попасть в тюрьму и стать единственной заключённой по этой статье – ничем не лучше, до звонка мало шансов дожить. Следствие явно не хочет мусолить это дело, к тому же, по законам военного времени, таких наказывают без суда и следствия, тем более что доказательств против неё недостаточно.

Кира настолько ушла в себя, что не заметила, как за ней пришли.

Дальше её вновь отвели в допросную, где допрашивали разные люди. Но каждый допрос длился не дольше двадцати минут, так как диалога не получалось, Кира молчала, уставившись в одну точку на полу. Пробовали разные подходы, и уговорами, и угрозами, и запугиваниями, и даже попытками найти компромисс. Но за семь с половиной часов допроса она не только звука не издала, но и практически не шевельнулась.

– Не хочешь вообще говорить?! Тогда суд над тобой пройдёт заочно! Навела шороху и сидит, отмалчивается, стерва! – кричал полный лысый прокурор, брызгая слюной. Лицо его покраснело от гнева, он без конца вытирал пот пожелтевшим платком. – Так, в КПЗ её, за двой-

ную решётку! Никаких свиданий! Хотел я как лучше, хотел помочь, а ты всё глубже себя закапываешь своим молчанием. Всё, хватит возни, передаю дело в суд. Гарантирую, ты сдохнешь там, среди руин, выжить в одиночку там могут только профи.

Он вышел, хлопнув дверью.

Кира сидела в тёмной комнате в углу за двойной решёткой. Угол был освещён лампой дневного света. Белый свет заливал клетку размером метр на метр, в которой даже лечь не получится. Заключённая сидела на дощатом полу у обшарпанной стены. Внутри клетки не было совсем ничего, кроме самой подсудимой в грязном спортивном костюме с растрёпанными волосами.

Дверь открылась, и в неё вошёл хромой мужчина в старых классических джинсах и серой футболке, одна нога была в коричневом ботинке, а из-под штанины другой виднелся протез. Густые седые волосы были взъерошены, тонкие линзы поблёскивали в толстой чёрной оправе очков.

Дверь за ним закрылась, и он исчез во тьме. Послышался торопливый стук протеза по дощатому полу, и мужчина подошёл к клетке. Кира подняла голову и тут же вскочила.

– Папа, – бросилась она к решётке. – Я думала, свидание не дадут.

– Мне и не дали, – негромко признался отец и просунул руку сквозь первую решётку, насколько смог. – Не думал, что когда-то скажу так, но хорошо, что есть люди, которых можно подкупить. Мне дали всего три минуты.

Кира просунула обе руки в решётку и обхватила ими руку отца. Слёзы неудержимо потекли по её щекам. Отец старался держаться спокойно.

– Мне-то хоть скажи, чтобы хотя бы я знал, – попросил мужчина.

– Я его не трогала, я подошла, чтобы помочь, а он...

– Я верю. Только им этого не объяснить. Я постараюсь тебе чем-нибудь помочь, ты только держись.

Кира молча смотрела на него, едва сдерживаясь, чтобы не разреветься.

Дверь вновь открылась.

– Время, – негромко сказал охранник и огляделся по сторонам.

– Я люблю тебя, – дрожащим голосом сказала Кира, сжав руку отца. Губы её задрожали, плечи затряслись, слёзы потекли по подбородку.

– Я тоже тебя люблю. Держись, может, там кто-то тебе поверит и поможет.

Он отошёл от клетки, смотря на дочь, крепко сжавшую стальные прутья руками.

– Быстрее, быстрее, – поторопил охранник.

Отец, хромая, вышел, дверь сразу захлопнулась. Кира сползла на пол и закрыла лицо руками.

Спустя несколько часов снова вошли. Это были двое полицейских и ещё какой-то мужчина в гражданском.

– Встать, – потребовал тот, в гражданском.

Кира, сидящая на полу, опустив голову, не отреагировала.

– Встать, оглашается приговор, – немного борзо снова потребовал мужчина.

– Идите вы на... – непечатно выругалась Кира.

– Я так смотрю, на официальную форму можно забить. Ты приговорена заочно к изгнанию и запрету на укрытие в любой крепости Альянса сроком на три года. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Один из полицейских открыл клетку и, подняв Киру за плечо, вывел.

Спустя какое-то время её вели по техническому коридору крепости. На немного опухшей правой её кисти – свежая наколка. Изображён человеческий череп, за ним две пятиконечные звезды со сложной окантовкой и символами, снизу дата 14.05.0015. – дата вынесения приговора. Это была ещё одна особенность наказания, ведь даже по истечении срока наколка остаётся, и все сразу понимают, что это за человек.

В зависимости от тяжести преступления, было разное количество звёзд, от одной до пяти. Звёзды – это печать, наносимая специальным аппаратом практически мгновенно, в отличие от черепа и даты, набиваемых по старинке. Скопировать печать вручную было крайне сложно. Наносилось клеймо на разные части тела. Дело в том, что конечности, на которые набивались наколки, могли быть утеряны в бою, и не только в бою...

Наколка с пятью звёздами имела больший размер и набивалась на лице и частично на шее. Также, в зависимости от тяжести преступления, изгоняли с разным набором амуниции. К примеру, за убийство более трёх лиц с особой жестокостью осуждённого вывозили подальше от крепости и оставляли связанным по рукам и ногам, не давая ему ничего. В таком случае смерть была почти неминуема. Или приговаривали к казни на электрическом стуле.

Приговорённую ввели в комнату. Это напоминало обычную однокомнатную квартиру, только без кухни. Обстановка тут была домашняя. На стене напротив двуспальной кровати висел ЖК-телевизор, через USB-вход к нему был подключён носитель со множеством фильмов и музыки. Правда, полки были полупустыми. На них стояли в основном фото городов и природы в рамках и стопки дисков. По закону, приговорённый проводил последние сутки в этой квартире. Ему давали возможность выспаться на нормальной кровати, хорошо кормили, вне зависимости от степени тяжести его преступления. Ведь в большинстве случаев приговорённые по истечению срока не появлялись в крепостях по разным причинам, в основном они погибали в первые полгода наказания, в большинстве случаев от болезней и химического отравления.

Дверь за спиной плавно закрылась. Кира подошла к окну. Комната находилась в стене крепости под самым потолком первого этажа. Окно было без решёток, но стеклопакет был сплошной и не открывался.

Она села на подоконник, обхватила колени руками, голову положила на холодное стекло. Сквозь собственное отражение в стекле она смотрела на город, на серые крыши, на слабо светящиеся улицы-трещины, расплзшиеся меж бетонных коробок, настроенных вплотную друг с другом. Хотя сам город её абсолютно не интересовал, она ушла глубоко в себя и смотрела в никуда. Слёзы больше не текли из её серо-зелёных глаз, они будто кончились.

Просидев так несколько часов, пока освещение в городе не переключили с бледно-жёлтого на белое и синее, что означало наступление полуночи, она лениво сползла с окна. Она приняла душ, пробыв там почти час. После она развалилась на кровати.

В нише с небольшим окошком возле двери появился поднос с едой. Кира почувствовала ароматный запах, но кусок в горло не лез.

Она взяла валяющийся на кровати пульт и включила первый попавшийся фильм. Как на зло, это оказался один из новых триллеров о группе людей, выживающих в руинах бывшего города. Она не вникала в сюжет, она просто смотрела на мелькающие кадры, погрузившись в себя.

На следующий день, когда принесли завтрак, Кира всё же не отказалась от него, парадней голодовки дала о себе знать.

Через пару часов в комнату вошёл парень лет двадцати, в синем военном камуфляже, в бронежилете, но без оружия. Его коротко остриженные светлые волосы и гладкое лицо с карими, слегка прикрытыми глазами имели спокойный, но в тоже время собранный вид. Манера его движений и не громкая, но чёткая речь говорили многое о его характере. Его нельзя было назвать простым и понятным парнем, капля скрытности всё же присутствовала в этом светлом с виду человеке.

Он положил на кровать сложенную чёрную форму с широкой серой полосой по бокам, сверху положил чёрную кепку, на пол поставил ботинки.

– Оденешь это. На выход через три часа, – мягко сказал парень, подойдя ближе к Кире, сидящей на окне и наблюдающей за прохожими внизу.

– Я это не одену, – заявила Кира, не поворачиваясь к парню.

Это был её бывший одноклассник Антон Тихий, с пятого по одиннадцатый класс они сидели за одной партой. Хотя они и не были лучшими друзьями или что-то вроде того, всё же хорошо общались и подумать не могли, что вот так окажутся по разные стороны закона.

– Кир, не обрекай себя на очередную унижительную процедуру. Не наденешь сама, тебя оденут, но повезут тебя только в этом и ни в чём другом, – всё так же мягко и тихо говорил Антон. – Дело сшили быстро, белыми нитками, но... похоже, всё не так просто.

Кира сидела молча, презрительно глядя на бывшего одноклассника.

Он подошёл ещё ближе и заговорил вполголоса: «Кто будет тебя конвоировать, уже известно, в их число вхожу и я. Я кое-что успел подготовить. Немного, конечно, но всё же лучше, чем ничего. Там, где тебя оставят, стоит старый автобус, заглянешь под него. Выслеживай патрули. Время патрулирования нашего отряда, в котором я с недавнего времени, с 9:40-ка до 12:40-ка. Просто высматривай меня и дай знак, желательно, чтобы заметил его только я».

Кира недоверчиво покосилась на Антона.

– Тихий, тебе чо от меня надо?

– Ничо мне от тебя не надо, расслабься.

– Ну и зачем тогда всё это? Давай выкладывай.

– Мы с тобой с пятого класса вместе. Похоже, я второй человек в крепости, который тебе полностью верит, я и твой отец.

– А если всё-таки я его убила? – спросила Кира, внимательно смотря ему в глаза.

Антон ничуть не смутился и ответил сразу же: «Это не могла быть ты».

Он многозначительно улыбнулся и торопливо вышел.

Кира, в чёрной форме с серой полосой по бокам и солдатским мешком-рюкзаком за спиной, шла в сопровождении двух бойцов спецподразделения отряда «Тигр». Руки её были скованны наручниками. Они шли по кабельному коллектору, над головой светили голубоватые лампы дневного света. Местами пол был решетчатый и под ним проходили то жёлтые газовые трубы, то паропроводы, то какие-то провода.

Спустя двадцать минут они вышли из подвала одной из многоэтажек. На улице ждали ещё четверо бойцов «Тигра».

Киру, закованную в наручники, вели по одной из главных улиц под конвоем шестерых бойцов с автоматами, готовыми выпустить очередь на любое неверное движение приговорённой. Это было очередное унижение, приговорённую должны были вести несколько кварталов до ворот по наполненной людьми улице. Специально, разумеется, граждан никто не предупреждал во избежание столпотворений и провокаций. Хотя такие случаи были редкостью, этот нюанс был прописан как один из обязательных пунктов приговора.

Один из конвоиров повернул кепку Киры козырьком назад, козырёк до этого был опущен на глаза. Люди расступались перед конвоем. Кто-то смотрел на Киру с презрением, кто-то с ненавистью, кто-то показывал пальцем, а кому-то и вовсе не было никакого дела.

Наконец её довели до огромных ворот. Двустворчатые огромные ворота толщиной около полуметра были выпуклой формы. Выпуклыми во внешнюю сторону крепости они были для того, чтобы лучше выдерживать взрывную волну от ядерного удара. Таких ворот было семь.

За воротами стояли БМП и военный «хаммер». Возле машин находились восемь солдат в обычном солдатском камуфляже с автоматами за спиной, латах и мечами на поясе. Среди них был и Антон Тихий.

Киру усадили на заднее сидение «хаммера», от водителя она была отгорожена решёткой и стальной сеткой. Бойцы попрыгали в БМП, кроме Антона и ещё одного, севших на броне.

Ворота позади закрылись, в воздухе повис выхлопной дым от боевых машин. Ворота впереди открылись, за ними оказался следующий отсек коридора, такой же, как и первый. Машины проехали в него, ворота позади закрылись, открылись следующие. И так до тех пор, пока не открылись седьмые ворота, толщиной полтора метра. Полукруглые ворота, обшитые сталью и заполненные внутри бетоном, отъехали в нишу в стене, и внутрь тёмного коридора хлынул свет.

Глава вторая

Синяя бездна

Сразу за воротами располагался металлообрабатывающий завод, огороженный шестиметровым бетонным забором с колючей проволокой. Завод занимался ещё обработкой бетона и кирпича. На территории были горы металлолома, бетонных плит и балок, битого кирпича. В массивных бетонных зданиях цехов металл резали, сортировали, чистили, прессовали в небольшие кубы и грузили на железнодорожные платформы. Также чистили уцелевшие кирпичи, блоки и плиты от раствора и отправляли в подземные склады крепости. В ста метрах от основных ворот находился железнодорожный туннель, защищённый массивным гермозащитным барьером.

Кире уже стало не по себе от того, что над головой не потолок, а серая пелена. Она опустила голову. Минуту назад нахождение в этой машине казалось ей невыносимым, но теперь ей хотелось как можно дольше оставаться в ней и не выходить наружу.

Приговорённую провезли по запылённой и задымлённой заводской территории, пропахшей кислым металлическим запахом. По территории рабочие ходили в респираторах и защитных очках. Оно и понятно, за эти пять минут некомментируемой экскурсии металлическая пыль уже скрипела на зубах. Проезжая мимо груды ржавых мятых бочек, лежащих в синезелёном маслянистом болоте, Кира прикрыла нос рукой от невероятно едкого, до рези в глазах, химического запаха. Вся земля на территории была усеяна бетонной крошкой с красным налётом ржавчины.

Железные ржавые ворота отъехали. Прямо уходила четырёхполосная дорога, от разметки почти ничего не осталось, асфальт был сильно разбит гусеницами и тяжёлым транспортом. По сторонам были разбросаны куски бетона и кирпичных стен – свежее пепелище. Эти здания снесли специально, чтобы враг не мог подойти близко незамеченным.

Через четыреста метров глазам открывалась уже другая картина. Дорога была всё так же разбита, но тротуары и въезды во дворы были относительно хороши. Деревья, кустарники и травы разрослись так, что местами полностью скрывали первые этажи зданий. Кира не видела апокалиптической разрухи, какую видела несколько лет назад с крыши Соколовска, кругом стоял молодой лес, над которым возвышались многоэтажки, какие-то лишь повреждённые временем, а какие-то изуродованные бомбёжками и грозно накрёнными куда-то в сторону.

В этом городе во время пришествия бои шли не настолько ожесточённые, поэтому большая часть города устояла, по крайней мере ещё можно было различить кварталы, улицы и здания, они не превратились в бесформенные завалы. Тут и по сей день кипела жизнь – другая жизнь, ещё не известная Кире...

Тем временем едва заметно подкрадывались сумерки. Ещё всё было отлично видно, но по улицам уже потянуло вечерней свежестью. «Хаммер» и БМП въехали в один из дворов. Кира сразу обратила внимание, что во дворе нет ни одного дерева, хотя весь путь сюда были заросли молодняка. Оба броневика остановились у ржавого автобуса, стоящего на стоянке. Когда-то это был небольшой японский автобус, обычно возивший людей куда-нибудь в горы или к морю, а теперь это было ржавое корыто с обвалившейся краской и запахом гнилой листвы из салона.

Из БМП вышли всего трое бойцов. Антон и тот, что сидел рядом с ним, спрыгнули с брони. Тихий открыл дверь «хаммера», Кира вышла, опустив голову. Бойцы говорили между

собой, курили, посмеивались. Видно, что никого из высшего командования не было, и поэтому на формальности и всю официальность им откровенно плевать.

– Я думаю, повторять приговор не обязательно? – спросил один из бойцов, подтягиваясь на ржавом турнике.

– Да забей, – раскованно сказал Антон. – Только эт... Слава, в протоколе всё как положено зафиксируй!

Антон отвёл Киру на пару десятков метров от машин.

– Вот и автобус, – тихо проговорил Антон, остановившись и повернув Киру лицом к автобусу.

Он снял наручники.

– Помни, что я говорил.

Он развернулся и пошёл к машинам. Кира взглянула на руки: на запястьях остались покрасневшие следы от наручников. Рёв моторов позади усилился, потянуло выхлопами, затем звук отдалился и вскоре остался эхом.

Кира огляделась по сторонам. Двор был широкий, как и большинство российских дворов многоэтажек, хоть конём гуляй. Кругом стояли шестнадцати-двенадцатиэтажные дома. Все они были лишь немного повреждены войной. В большинстве квартир даже остались стёкла.

Такого простора в крепости не было, на первом этаже дворики были тесные, а на остальных – только комнаты и бесконечные коридоры. В крепости только в «белом квартале», который был на каждом этаже, можно увидеть подобный простор и свет. Конечно, был ещё обзорный этаж, пустой зал с колоннами, площадью равный всей площади крепости, включая все помещения: там, стоя у одной стены, можно было не увидеть противоположную, будто пол и потолок просто сходились вместе.

Подул лёгкий ветерок, отчего Киру сразу бросило в дрожь, ведь в крепости никогда не было ветра, а если и был, то доносился из вентиляционной шахты и был совсем не страшный.

Кира быстро зашагала к ближайшему зданию, к ближайшей двери. Она вошла в распахнутую железную дверь. Это был склад кафе, находящегося на первом этаже шестнадцатиэтажки. Тут было темновато, деревянные стеллажи покрылись слоем пыли, на полу валялся всякий хлам вперемежку с посудой. Из этого помещения вели ещё два коридора куда-то в пугающую темноту. Но Киру это не страшило, ей уже всё равно. В спину дунул ветерок, но он уже не принёс того эффекта.

– Да хоть сдуй, мне как-то...

Она сняла рюкзак и отшвырнула куда-то в сторону. Сама же развалилась напротив входа у упавшего стеллажа на куче коробок и каких-то папок с документацией. Совсем скоро она перестала замечать всё окружающее. Не заметила крысу, пробежавшую в светлой полосе, падающей от входа. Не заметила одиночного выстрела, раздавшегося где-то очень далеко и повторяемого эхом. В её голове крутились мысли одного рода – быстрее бы всё закончилось, пусть даже смертью. Ведь она не раз слышала в Соколовске, что за стенами жизни нет, есть определённые маршруты от крепости к крепости для грузовых перевозок, что вдали друг от друга разбросаны укрепленные небольшие поселения с ещё более суровыми законами. Что на остальной территории никого нет. Что на большей части земли – ядерная зима. Ходили байки, что там и вовсе бродят мутанты и бешеное зверьё, хотя такие байки рассказывали в основном старики в чайных, которые с начала новой эры в лучшем случае на обзорном этаже бывали. В основном всё это, за исключением баек про мутантов, рассказывали люди, мало имеющие отношение к военным или бывшие за пределами крепости всего пару раз. Сами же военные мало что говорили, хотя многие были и не прочь рассказать свою байку, чтобы привлечь к себе – герою, побольше внимания и уважения. Что из всего услышанного ранее правда, а что нет, Кира не знала. И что в паре кварталов отсюда – давно брошенные и безжизненные террито-

рии или чертоги кромешного ада, наполненного психами, жрущими друг друга, этого ей тоже не было известно. Ей уже было всё равно.

Она не заметила, как в проход проползли сумерки, и снаружи всё погрузилось в синеватую дымку.

В зале послышались шаги, затем дверь на кухню тихонько открылась. В тёмном проходе позади Киры показался свет диодного фонаря. В помещение вошли трое солдат в военных бронежилетах, касках и щитках, словом, в полной боевой экипировке. Кира не обращала на них никакого внимания. Один из бойцов подошёл к ней, присел, взглянул на наколку.

– Сегодня, – басовитым голосом сказал он и отошёл.

Другой, стоящий подальше, что-то пробубнил и усмехнулся. Они проверили второй тёмный проход, ведущий в холодильную камеру.

– Сектор семь двенадцатого пути проверен, чисто. Продолжаем патрулирование, – передал один из них по рации. Рация что-то невнятно прохрипела.

Бойцы вышли тем же путём, что и вошли, будто тут никого и не было. Нельзя сказать, что Кира их совсем не заметила, просто их появление было ей безразлично. Странное чувство окутала её, солдаты не обратили на неё особого внимания, ничего ей не сказали, а по рации передали: «Чисто» – то есть никого. Странно. Она приподняла голову, огляделась, пошевелила пальцами на руках – жива.

– Жаль, – пробормотала она и опять легла.

Она проснулась от того, что её кто-то покусывает за руки, а у лица что-то влажное, и несёт какой-то гнилью. Она вздрогнула. Тут же раздалась какой-то шорох и поскуливание. Открыв глаза, она увидела, как на улицу прошмыгнули пять силуэтов, похожих на собак с пушистыми хвостами. Она поняла – звери, обнаглевшие звери. Поняла, но ей по-прежнему было всё равно.

В проходе понемногу стали различимы очертания зданий, приближался рассвет. Только сейчас Кира стала приходить в себя и осознала, что к ней присматривалось местное зверьё. Но она старалась привести себя в прежнее равнодушное состояние, погрузить себя в полное безразличие. Вскоре она снова задремала.

От дремоты пробудил яркий оранжевый луч солнца. Кира лежала, свернувшись от холода калачиком, в огненно-оранжевой полосе солнечного света, расстелившейся от входа. Свет утреннего солнца, только взобравшегося на горизонт, нёс какой-то утренний позитив, какое-то свежее приятное ощущение, которое Кира упёрто старалась не воспринимать. Она хотела вновь уйти в себя и ничего не замечать, не замечать времени и пространства, и так тихо и незаметно умереть.

Но ночное происшествие и холод не давали забыть на всё. К тому же голод, который только и нагонял мысли о еде.

«Боже, как хорошо в nirване, не видеть, не слышать, не чувствовать, не бояться, не осознавать. Мне всё равно, что со мной, мне всё равно. Чёрт, как хочется есть, в Соколовске, наверное, уже очереди на выдачу выстроились, интересно, что сегодня дают? Нет! Мне всё равно что дают! А в крепости никогда не было так холодно, а ведь ещё не зима, я сейчас мёрзну, а что потом? Почему эти твари не сожрали меня во сне?! Не мучилась бы. Почему все такие жестокие, даже зверьё – и те чёртовы гуманисты! Не думала, что оставление жизни можно считать жестокостью», – эти мысли кружились в голове Киры всё активней и активней. Все попытки убедить себя, что у неё депрессия и стресс, что ей всё равно и ничего не надо, были жалкими попытками самовнушения, разум всё громче твердил: «Надо поесть, надо найти воду, надо согреться, вообще надо выжить,» – но в то же время разум и понятия не имел, как это сделать.

В конце концов, она нервно вскочила, словно разбуженная работающим перфоратором соседа ранним утром в воскресенье. Поёжившись от холода, она схватила свой рюкзак, валявшийся всё там же, куда он вчера был заброшен. Она вышла на полосу света, льющуюся из открытого выхода на улицу. Солнечный свет пригревал едва заметно.

Она вытряхнула содержимое рюкзака на пол. Набор выданных предметов оказался довольно скудным: верёвка, всего около четырёх метров в длину; маленький перочинный ножик, который даже не понятно для чего мог пригодиться; бумажная пачка пищевых капсул (12 штук), на которые можно было нормально прожить всего неделю; литровая бутылка с водой, крышка её была с небольшим простеньким фильтром, которого хватило бы максимум на пять наполнений этой бутылки из ближайшей лужи. Также были: карманный фонарик, которым можно было подсветить карту в темноте, и не более того; пустой герметичный пластиковый контейнер с петлями для ремня, чтобы повесить его на пояс; обычная кремниевая зажигалка. Вот и весь набор для выживания в суровом мире, о котором она слышала на уроках ОБЖ и от знакомых. Быть может, опытный сталкер нашёл бы всему этому какое-то другое и более полезное применение, но девятнадцатилетняя девушка видела в этом бессмысленный набор малополезных предметов.

Кира фыркнула разочарованно и небрежно запихнула всё обратно, только пищевые капсулы положила в карман штанов, предварительно съев сдуру сразу две капсулы.

Словно делая кому-то одолжение, Кира повесила рюкзак за спину на одной лямке и пошла, но не к выходу, а в зал кафе. Зал был раскурочен настолько, что каких-то конкретных предметов разобрать было невозможно. По всей видимости, сюда угодили миномётный снаряд, или тут укрывался враг и его просто забросали гранатами. Зал был завален обломками гипскартона, железными профилями, остатками мебели и декора. За стойкой был проход, за ним виднелась зелёная крашеная стена подъезда.

Приговорённая вышла в подъезд. Дверь на улицу была закрыта. В подъезде было относительно чисто для заброшенного здания, только отслаивающаяся, словно старые обои, краска на стенах. В здании Кира чувствовала себя спокойно и не торопилась выходить на улицу, на открытое пространство.

Поднимаясь выше, она заметила, что дверь одной из квартир железная и явно не отсюда, а скорее, с какого-то технического помещения. Кроме того, она не обросла пыльной замшей, как остальные, и её замок не заржавел, а даже ещё блестел. Похоже, тут либо кто-то жил, либо был чей-то схрон, что менее вероятно. Она дёрнула за ручку двери, но та, как и ожидалось, была заперта. Она остановилась на восьмом этаже, задав себе мысленный вопрос: «Зачем и куда я поднимаюсь?»

– Для обзора, – вслух ответила она сама себе.

Она поднялась на последний этаж и вошла в первую попавшуюся квартиру.

Квартира была почти пуста. В прихожей валялся календарь за 2016-й год, с забавным смайлом в шапке Деда Мороза и надписью «всё будет ОК!», который теперь выглядел совсем не к месту.

В кухне остался только табурет с железными ножками, газовая плита, микроволновка и холодильник, облепленный выцветшими наклейками, магнитиками и несколькими заметками, на которых ещё можно было разобрать аккуратный женский почерк. На полу – осколки разбитой посуды, кастрюли, сковородки, столовые приборы, среди которых почему-то не было ни одного ножа.

На тетрадном листе, прикреплённом к холодильнику магнитиком в виде дельфина, видимо, банальным сувениром с моря, маркером было написано: «Серёж, вся связь в городе

отключена, поэтому я даже не пыталась дозвониться тебе. В город вошли правительственные войска, я не стала рисковать, собрала детей и мы уходим из города. На нашем месте, ты помнишь. Будь осторожен».

На самоклеяках были самые обычные бытовые заметки: «Забери Никитку со школы»; «буду поздно, котлеты в холодильнике»; «позвони»; «Железнодорожная 402\6, в 15:20».

В зале остался только стеклянный столик с изящной железной ножкой и, опять же, осколки стекла и каких-то маленьких предметов, сувениров и прочей домашней мелочи, валялся в куче домашний кинотеатр с колонками и прочей гарнитурой. По полу были разбросаны фотографии и растрёпанные страницы фотоальбома. В углу сиротливо сидел огромный плюшевый медведь в солнечных очках и пляжной панамке, покрытый пылью и паутиной, испорченный сыростью и насекомыми. У входа в зал был содран паркет.

Всё это вызывало тяжёлое и гнетущее ощущение, ведь когда-то тут жили люди, по-видимому, молодая семья, а теперь всё в запустении. Видимо, гораздо позже из квартиры вынесли всё, что могло сгодиться на костёр, даже паркет и обои начали сдирать. В остальные комнаты Кира не стала заходить, в них было то же самое.

Она вышла на балкон. Под ногами захрустели битые стёкла, зазвенели стреляные гильзы. В углу в истлевшей зимней военной форме лежал человеческий скелет, но оружие при нём не было, наверняка им теперь владеет кто-то другой. Но на это Кира не обратила внимания. Отсюда была видна даль. Здания уходили до горизонта: маленькие, большие, целые, разрушенные. Местами между зданиями раскидывались настоящие заросли из молодняка и высокой травы, а местами торчали пни на выжженной земле. Но поражало её больше всего небо, эта синяя бездна без единого облака и без грамма дымки. Ей вдруг показалось, что земля стала переворачиваться, и она сейчас упадёт в эту страшную, но завораживающую пустоту и будет лететь долго-долго, туда – в ледяные недра космоса, у которого нет дна, и, если она не столкнётся с каким-нибудь астероидом, то так и зависнет навечно в ледяном безграничном пространстве. Яркое солнце, немного приподнявшееся над горизонтом с обломанными зубами-многоэтажками, не казалось ей картонным кружком, приклеенным к гипсовому своду небосклона, она чётко представляла далёкий край земли, за которым – всё та же пугающая пустота, а где-то там, далеко, висит страшный пылающий шар.

Она попятилась назад и быстро вышла из квартиры. В тесном подъезде сразу стало спокойнее. После пятнадцати лет жизни под потолком оказаться на улице – равносильно тому, что выпустить аквариумную рыбку в открытый океан.

Глава третья

Край

Около часа Кира бесцельно бродила по пустым квартирам, но, в конце концов, всё же заставила себя выйти на улицу.

Дверь подъезда приоткрылась, Кира, не спеша и озираясь, вышла во двор. Чёткого плана, что делать дальше, у неё не было, точнее, вообще никакого плана не было. Она прошлась по двору, осматриваясь, и всё время будто с опаской поглядывала в небо.

Наконец она обратила внимание на автобус, возле которого её вчера высадили. Возникла борьба ощущений: с одной стороны, ей крайне не хотелось пользоваться подачками бывшего одноклассника, а с другой стороны разум убеждал, что с тем, что у неё есть сейчас, она долго не протянет. В конце концов, хотя бы из любопытства можно же посмотреть.

Она подошла к автобусу. На заржавевших дисках висели ошметки покрышек, видимо, срезанных кем-то для разведения костра или ещё чего-нибудь. Под прогнившим днищем лежал тёмно-зелёный ящик. Кира подлезла под автобус, где до сих пор стоял запах машинного масла и резины, и, ухватив ящик за железную ручку, вытащила его наружу. Она оттащила ящик подальше от автобуса, выйдя из его тени. Солнце уже немного пригревало. Она села на полурассыпавшийся бордюр и открыла ящик.

Сверху лежала коротенькая записка на жёлтом листке бумаги: «Возьми всё, ящик спрячь на место». Она отшвырнула записку и стала выкладывать на асфальт содержимое тайника.

В тайнике оказались: прочная длинная верёвка с карабинами на обоих концах; длинный нож с петлями на рукояти, которыми можно было пристегнуть его к руке; аптечка в герметичном контейнере; потрёпанный тактический фонарь с маленькой солнечной батареей; зажигалка, не гаснущая даже на ветру; кусочек огненного камня, размером с пачку сигарет; три банки тушёнки; дозиметр, которым умел пользоваться каждый школьник с первого класса. Но больше её внимание привлек магазин автомата Калашникова, полный патронов, хотя самого ствола не было. Автомат Калашникова, легендарное и самое распространённое оружие до новой эры, являлся самым используемым огнестрельным оружием и сейчас, благодаря простоте и надёжности.

Кира сложила всё в рюкзак, предварительно переложив из него в ящик всё содержимое, оставив только пустой герметичный контейнер и воду.

Все тяжкие мысли о несправедливости и тяжкой доле уже пошли по сотому кругу и самой Кире порядком поднадоели. И хоть она уже мысленно решила, что не будет об этом думать, ибо пользы от этих мыслей ровно никакой, всё равно душа обиженно шмыгала носом, забившись в угол. Смысла в дальнейшем существовании она не видела, но и назвать её состояние депрессивным и угнетённым было нельзя. Своё состояние и сама Кира не могла понять, настолько оно было сложным и нестабильным. Ей то становилась на мгновение интересна её новая жизнь, то вновь хотелось забиться в угол и не выходить оттуда.

Кира шла по дороге в противоположную сторону от маршрута, по которому её привезли, не зная, зачем она идёт вглубь брошенного города.

Из трещин в асфальте пробивалась трава, из выбоин поднимались совсем молоденькие берёзки. Здания магазинов, каких-то офисов, административные и жилые, тянущиеся по бокам, были в унылом запустении. Почти все они были целы, даже с целыми запylёнными стёклами, раскрашенные солнечными бликами, падающими сквозь сочно-зелёные листья разросшихся деревьев. Дозиметр, оттягивающий правый карман форменной ветровки, молчал.

Кира шла, размахивая ножом, срезая ветки. Она не думала о том, где потом доставать пищу, где найти лучше ночлег, кто теперь свой, а кто чужой. Она полностью ушла в свои мысли: воспоминания, унылые раздумья о произошедшем, и даже какие-то фантазии. Она то улыбалась, то вновь становилась хмурой, то шла, надув губы, будто обиженный ребёнок.

Деревья неожиданно закончились. Тут были лишь пни, причём некоторые – совсем свежие. Было видно, что деревья спилены недавно.

Посреди площади стоял полуразрушенный постамент какого-то памятника. Из щелей тротуарной плитки пробивалась молодая трава.

Прошло два дня. Кира бродила всё это время по городу. Какие-то районы были укутаны в густые заросли, где кроны деревьев образовывали зелёный беспросветный купол, но большинство районов было расчищено от деревьев и кустарников. По всему городу то и дело попадались стреляные гильзы, сгоревшая или давно брошенная бронетехника и самодельные внедорожные автомобили. Но город не был мёртв. За всё время Кира несколько раз видела людей, нортов. Норты – разумные существа, похожие на волков, раса, появившаяся на Земле за несколько лет до Великой битвы. Имеют всего три окраса: рыжие с белыми кончиками лап и хвоста, белой грудью, окрас большинства нортов; полностью белые или серые. Передвигаются преимущественно на четырёх лапах, но благодаря гибким конечностям имеют и способность прямохождения, как и люди. Эти существа старались жить в гармонии с окружающим миром, благодаря чему не имели всех тех зависимостей, что у людей. Видела Кира пару викингов и даже лесников – представителей других рас, сильно похожих на людей, к слову, многие и вовсе не считали их отдельной расой – не людьми, уж слишком они были схожи с людьми. Также попадались шакалы, дикие собаки и прочее мелкое зверье.

Наконец здравый смысл взял верх над обидой: «Нет смысла обижаться, тебя ведь никто не видит и не слышит. Ладно, если бы ты сидела в камере, то могла бы дуться сколько влезет, объявлять голодовки и прочими способами привлекать внимание к себе – бедной, несчастной, ни за что осужденной. Но тут всем плевать на тебя, всем, кроме падальщиков. Надо что-то делать. Ещё повезло, что сейчас не зима, всё тепло ещё впереди. Может, всё же найти Антона? Кстати, в какой стороне крепость и их маршрут? Да пошёл он! Чтобы я просила этого гада помочь, разбежалась! Почему гада? Он и так помог, чем смог. Да не просто так он помог, гад. Ты не на того обижаешься, думай, как дальше жить. Сдохну. Ну давай, потому что голодная смерть – уж совсем извращённый способ. Не хочу. Тогда думай, кстати, воды у тебя практически нет, а пить воду из местных водоёмов – так она мазутом несёт, как от бензовоза, кинь спичку – и вспыхнет».

Кира взглянула на бутылку с фильтром. Фильтр был бурого цвета и пахивал какой-то отвратительной химией, а на дне бутылки плескалась мутная жижа, которой хватило бы всего на пару глотков.

Рыжий норт с вороватым, но в то же время осторожным видом, не высокий и не низкий, крался по руинам большого коттеджа.

(Норты – разумные существа, похожие на волков, раса, появившаяся на земле за несколько лет до Великой битвы. Имеют всего три окраса – рыжие с белыми кончиками лап и хвоста, белой грудью, «окрас большинства нортов»; полностью белые или серые. Передвигаются преимущественно на четырёх лапах, но благодаря гибким конечностям имеют способность прямохождения, как и люди. Эти существа старались жить в гармонии с окружающим миром, благодаря чему не имели всех тех зависимостей, что у людей.)

Опоясан он был потёртым ремнём, в котором небрежно проделаны несколько дополнительных дырок. К ремню были пристёгнуты мачете в ножнах и небольшая сумочка, в каких раньше люди носили документы, деньги и мобильник. На шее норта висела на чёрном шнуре пятирублёвая монета двухтысячных годов прошлой эры. Окрас норта был ярким: насыщенный рыжий, почти красный, и снежно-белый. Окраска, как и у всех рыжих нортов, но гораздо насыщеннее.

Зелёные глаза его пристально смотрели на стаю диких собак во дворе коттеджа, которые увлечённо рвали высохший труп легионца, злобно рыча, то и дело покусывая друг друга. Норт затаился в паре десятков метров от собак под обвалившейся крышей из синего профнастила.

Норт вытянул левую лапу немного вперёд, едва слышно приговаривая: «Тихо, тихо. Не скачите вы так».

От собак до лапы норта протянулся почти неразличимый поток энергии. Вдруг недалеко раздался короткий, но пронзительный девичий взвизг, отчего все участники процесса вздрогнули и невольно прижались к земле. Поток прервался. Собаки наострили уши, и затем рванули в противоположную сторону. Норт цокнул раздражёно и, пригнувшись, неспеша пошёл в сторону, откуда раздался этот звук, испортивший ему всю охоту.

Все его движения выражали осторожность и, быть может, даже каплю трусоватости. Он шёл немного пригнувшись и прижав уши. Он намеренно шёл по завалам или внутри домов, не выходя на дорогу. Открытые пространства он пересекал перебежками, внимательно осмотрев местность перед этим.

Он вошёл на территорию бывшей стройки. Шестнадцатиэтажное здание, состоящее только из перекрытий и бетонных опор, не имеющее ни внешних, ни внутренних стен, выглядело угрожающе. Бетонные плиты местами прогнулись, словно пластик, а верхние три этажа, по всей видимости, подбитые снарядом, сползли на крышу соседнего корпуса. На ржавом башенном кране, поскрипывая, качался огромный крюк, опущенный до уровня первого этажа. Вся земля была покрыта щебнем и мелкими обломками кирпича, сквозь который уже прорастали молодые берёзки.

Норт остановился у здания в том месте, где была короткая свежая бороздка, ведущая в яму у здания и исчезающая в темноте подвала. Норт осторожно спустился в яму и заглянул в провал фундамента. В тесном подвальном помещении на сыром бетоне в углу виднелся сидящий на корточках человеческий силуэт, по-видимому, девушки.

– Эй, ты как? Руки-ноги целы? – спросил норт шёпотом и огляделся.

Силуэт кивнул и поднялся.

– Иди сюда, помогу.

Девушка подошла, они протянули руки друг к другу, но подвал оказался слишком глубоким, они не дотянулись.

– Верёвку бы, – сказал норт, опять оглядываясь.

– У меня есть, – ответила вдруг девушка.

Послышался вдруг какой-то шорох, и из провала вылетела смотанная верёвка с карабинами на обоих концах.

– Сам я тебя вряд ли вытащу, привяжу к чему-нибудь.

Он сбросил один конец обратно, а второй карабин пристегнул к своему ремню и выскочил из ямы. Он подскочил к башенному крану, так как это была ближайшая опора, к которой можно было прицепить верёвку. Он зацепил карабин за лестницу крана, вернулся обратно, но второй конец лежал уже на краю провала. Недостаёт ещё пары метров!

– Чёрт! Могла бы сказать сразу, что не хватило, – шёпотом прошипел норт.

– Что мне, шёпотом крикнуть надо было? – вполголоса спросила девушка.

– Почему шёпотом?

– Но ты же шёпотом говоришь.

– А... ладно, я попробую ещё пару мест. Как не будешь доставать, говори.

Но эта пара мест не принесла успеха.

– С лифтовой шахты было бы проще.

– Шахта это там? – спросила девушка, смотря в щель завала, перекрывшего выход из комнаты.

– Ну да, в той стороне, но тут же завал.

– Я пролезу, – сказала девушка и присела у завала.

– Э-э-э, застрянешь, я тогда точно ничем не помогу.

Но девушка уже скрылась в крохотном проёме под плитой.

Норт заскочил на первый этаж и, обмотав верёвку вокруг колонны и застегнув карабин, закинул второй конец в шахту, где уже послышался хруст песка и щебня. Верёвка натянулась, и Кира выбралась наверх.

Увидев форму приговорённой, норт не смог скрыть разочарования.

– Что, уже жалеешь, что помог? – немного нагло спросила Кира, сматывая верёвку. –

Ну уж извини, что не предупредила.

– Мне всё равно, кто ты и за что здесь. Давно снаружи? – негромко говорил норт.

– Полгода, – соврала Кира, сама не до конца понимая, зачем.

– Ну да, конечно. Даже соврать нормально не можешь, я же вижу дату на наколке.

– Зачем тогда спрашиваешь?

– Неважно. Идём, дело есть, – деловито и с криминальным оттенком сказал норт и направился в сторону улицы.

– Чего!?! – возмутилась Кира так громко, что норт невольно пригнулся. – А, или ты решил, что, раз помог...

– Чо ты орёшь, дура? Ладно, если вариант «ты у меня в долгу» не прокатывает, то у меня вопрос: ты сама выживешь? Ты же сдохнешь через неделю, максимум через две.

Его голос звучал пугающе строго, так, что лицо Киры переменялось, оно стало обиженным, словно у ребёнка, которого отругали. Хотя голос норта звучал тихо, казалось, будто он не способен громко говорить и тем более кричать, эта фраза всё же произвела нужный эффект.

– Что ж, в таком случае свободна.

Он не спеша вышел на улицу и, осторожно оглядываясь и пригибаясь, пошёл прочь.

Кира помялась несколько секунд на месте и всё же бросилась за ним.

Она догнала норта уже на улице.

– Ладно, намёк ясен, что там за дело?

– Идём. Только пригнись, тут тебе не аллея, чтобы расхаживать так.

Они молча шли по наиболее разрушенной части города. Тут совсем не осталось целых зданий. Некоторые здания были посечены осколками, от некоторых осталось всего по паре стен, а от иных и вовсе груды кирпича и плит. На многих зданиях чернели следы сильных пожаров. Улицы засыпаны обломками и пеплом, всюду перевёрнутые и искорёженные автомобили и сгоревшая или сломанная бронетехника.

Порой трудно было понять – по улице они идут или в здании, дверь за дверью, и за каждой завал. Зачастую техника встречалась внутри домов. Всё ещё стоял запах гари, пороха и горелой плоти. Иногда, не заметив сразу, Кира наступала на полностью сгоревшие тела, отчего её едва не выворачивало наизнанку.

– Чуть больше недели назад наши всё-таки выкурили отсюда легионовских. Хотя солдат Альянса тут полегло втрое больше, чем вражеских. Тела на днях забрать должны.

– Куда мы идём?

- Бывший офис Газпрома, точнее, его подземная парковка.
- Я до сих пор не до конца понимаю, что такое Газпром, знаю только, что эта фирма как-то была связана с газом.
- Сейчас она называется Алэнерго.
- Ну, её-то я знаю.

Спустя сорок минут Кира с нортом добрались до цели. Среди торговых центров, магазинов, кафешек и прочего находился офис Газпрома. Понять, сколько этажей было у этого здания, довольно трудно. Верхние пять этажей лежали на огромной куче металла, фанеры, стекла, пластика и бетонных балок – словом, руинах нижних этажей. Относительно уцелевшая часть представляла собой прямоугольный треугольник с панорамными окнами. Огромный логотип компании валялся, измятый, на парковке, усыпанной пылью и мелкими обломками.

- Как выглядит преобразователь, знаешь? – спросил норт.
- Только как старая модель. О новых я только слышала.
- Замечательно.

Они остановились у железной вытяжки, торчащей из земли. Верхняя крышка была выдрана. Недалеко валялись металлопластиковые обломки небольшого пассажирского самолёта.

- Надо достать, – сказал норт, заглядывая в вытяжку.

Под решёткой, приваренной на середине воздуховода, в которой не было одного прута, в куче каких-то обломков и тряпок лежал преобразователь размером с пивную кружку.

– Ты меня переоцениваешь, тут я точно не пролезу, – сказала Кира с едва заметным разочарованием.

- Тут и не надо. Пойдём.

Они остановились у выезда из подземной парковки. Кирпичные стены и железная крыша, некогда прикрывавшие въезд, обвалились. Но перед самым въездом было немного места. Проезд был защищён решётчатыми воротами. К счастью, из-за бомбёжек ворота деформировались, и в одном месте прутья разогнулись так, что Кира с её стройной фигурой и гибкостью могла попытаться туда протиснуться.

- А как я найду ту вытяжку?
- Она, скорее всего, идёт из венткамеры, если эту парковку проектировали не идиоты. Ищи венткамеру.

– Ха-ха-ха, всего-то, – с сарказмом сказала Кира, снимая рюкзак.

– Да, если там не будет зверья – раз плюнуть, – как можно более непринуждённо сказал норт.

- Чего, какого зверья? – панически переспросила девушка.
- Шучу, шуткую, расслабься. Никого крупнее тебя там, скорее всего, не будет.
- Да пошёл ты, – огрызнулась Кира, достав нож и фонарь.

Она пролезла к решётке, оставив рюкзак наверху. Не без труда она протиснулась через решётку и прыгнула на запылённый асфальт. Тут было практически ничего не видно и заметно холоднее, чем наверху.

Она включила фонарь. Яркий, но узкий пучок света пронзил пространство. Впереди проезд был перекрыт опущенными роллставнями.

- Что там? – Послышался голос норта снаружи.
- Проход закрыт, но есть какая-то дверь.
- Осторожно.

Кира подошла к железной двери. Пучок света был слишком яркий. Она перевела линзу фонаря в другое положение, и пучок стал более широкий и рассеянный.

Она не без трудностей приоткрыла дверь, так как из-за немного перекосившейся рамы дверь упиралась в пол. Она заглянула внутрь. Эта была комнатка, где раньше сидел охранник, проверял пропуска, следил за парковкой по видеонаблюдению, открывал и закрывал ворота.

На столе валялись какие-то учётные записи, газеты. Стояла даже кружка, внутри которой был чёрный налёт, это был недопитый кофе. Судя по всему, персонал покинул это место крайне спешно, ведь вблизи города нет мёртвых зон, и в последний час перед битвой некоторые объекты продолжали работать. Лишь когда завоевали последнюю мёртвую зону, были закрыты все гражданские объекты.

На стуле висела истлевшая куртка, ноутбук был покрыт паутиной и пылью.

Из комнаты вела вторая дверь, она открывалась наружу и была заблокирована изнутри железным прутком, вставленным между стеной и ручкой двери. Кира вытащила обвешанный паутиной прут, и дверь легко открылась. Луч фонаря осветил большую площадь. Вне бледного пятна света царил мрак, и это нагоняло страх. Кира постояла в проходе пару минут, съёжившись от холода и вода фонарём по сторонам. Она видела множество машин, стоящих на спущенных колёсах, покрытых толстым слоем пыли. Все эвакуируемые в крепость могли взять с собой небольшой объём личных вещей, разумеется, авто в этот список ни коем образом не вписывалось, каким бы дорогим оно ни было. Хозяева бросали свои машины или прятали. В последний день, разумеется, плату за стоянку никто не брал, да и сами стоянки особо не охранялись.

Тут было ещё холоднее, чем у решётки, ведь уже 15 лет сюда не проникал солнечный свет. Казалось, что даже воздуха тут мало.

Наконец глаза Кире привыкли к такому освещению. Теперь она видела не только в пределах освещаемого круга, но и силуэты вне его. Кира осторожно двинулась вперёд. Тут же в луче фонаря появились белые точки, плавно плывущие по воздуху. Затхлый воздух, полтора десятилетия не колышимый никем живым, сегодня был взволнован долгожданным гостем. Пыль, лежащая ковром на асфальте и машинах, поднялась в воздух от шагов и лёгкого ветерка, создаваемого Кирой. Она не сдержалась и чихнула прямо у фургона, цвет которого из-за пыли был непонятен. Тут же поднялось смертоносное облако. Кира прикрыла рот и нос правой рукой, в которой держала нож, и отбежала в сторону. Поднятая пыль тонкой дымкой расплзлась по помещению. Стал ощутим какой-то странный запах – смесь выхлопных газов и ещё едва различимый запах гнили. Кира прикрыла нос воротом куртки и осторожно двинулась вдоль стены, выискивая какую-нибудь дверь. Дверь попало только одна с надписью «ВЫХОД», да и та была заперта. Только теперь Кира обратила внимание, что стены и особенно потолок покрыты черноватым налётом.

Под ногой что-то звякнуло. Девушка посветила вниз. Это была винтовка и ворох гильз вокруг. В паре метров – бывший её владелец. Почерневший скелет лежал у старенькой иномарки в сгнивших лохмотьях камуфляжной формы. Кира замерла в оцепенении, хотя в этой куче гнилья, покрытого слоем пыли, было крайне трудно разглядеть человека, но противогаз на черепе не оставлял сомнений в том, что это. Кира повела фонарём вдоль парковочных мест, чего до этого не делала, и увидела ещё два тела, а в противоположной стене – проезд на второй уровень. В проезде тоже были какие-то бугры. Кира поспешила к выходу откуда пришла.

Она пролезла в решётку и выползла на улицу. Норт подбежал к ней откуда-то со стороны.

– Ты чего? – спросил он.

– Там трупы!

– Ох блин. И чо? – недовольно сказал норт. – Бояться не мёртвых надо, а живых.

– Ага, сам бы попробовал.

– Я этих мертвяков знаешь сколько повидал?! Я бы сходил туда сам, если бы пролезть мог. Не бойся, относись к ним просто как к предметам: «стол, диван, машина», – и будет легче.

– Там ещё запах какой-то странный, – наконец спокойно заговорила девушка.

– Запах? Это уже серьёзней. Какой?

– Выхлопов и гнили. Там очень много пыли. Я сначала не обращала особого внимания, но потом пыль поднялась, и появился запах выхлопов. Дышать невозможно. Там на стенах какой-то тёмный налёт.

– А радиация?

– Норм.

– Ну хоть это радует. А остальное плохо. Не знаю, попробуй закрыться курткой и оббежать по периметру, по любому вход в венткамеру будет. Забежишь, дверь закроешь, преобразователь достанешь, немного отсидишься, и бегом обратно.

Кира смотрела на него с ухмылкой.

– Если бы всё было так просто. Там спуск на следующий уровень.

– Чёрт! Там может быть и третий. Да, плохо...

– Погоди-ка...

Кира достала аптечку, в ней она нашла многослойную марлевую повязку. Характер Киры был таков, что она могла лениться браться за что-то, не особо ей нужное, и даже упрямиться, но если уж взялась, то добьёт это до конца.

– Попробую ещё раз, – сказала она, надев повязку, и торопливо полезла вниз.

Кира осторожно шла между рядами автомобилей, стараясь поднимать как можно меньше пыли. Маска источала какой-то неприятный аромат медикаментов, видимо, пропитанная ими для обеззараживания воздуха. Теперь девушка заметила, что окна водительских дверей в большинстве автомобилей были выбиты. Замки зажигания – раскурочены, а провода в них – соединены, но машины стояли чётко на парковочных местах. Зачем?

На полу попалась пара разорванных цилиндров от «порошковиков» – небольших ёмкостей с жатым пылеобразным веществом, которое при взрыве густым ядовитым облаком расползается на большое расстояние. Такой порошок быстро забивается в лёгкие, и жертва погибает.

Кира знала, что это за порошковики, и от этого её бросило в жар, ведь порошок, в отличие от газа, не выветривается, а остаётся. Как только какой-либо объект начинает движение, порошок вновь поднимается в воздух, чтобы убить.

Она приблизилась к спуску на нижний уровень. На полу лежало около десятка тел, это были легионеры, и у них не было ни противогазов, ни респираторов. Кира переступала тела, пытаясь бороться со страхом, но в голове всё крутились слова: «Склеп, ты в склепе, страшная смерть, мертвецы, братская могила». И казалось даже, что эти слова и вправду звучат холодным шёпотом из мёртвых уст темноты. Пытаясь поддержать себя, Кира негромко сказала: «Это просто предметы», – но, услышав в тишине собственный голос, вздрогнула и остановилась. Теперь не было слышно даже звуков её шагов, которые эхом отражались от стен и создавали ощущение хоть какой-то живости. Теперь же всё погрузилось в звенящую тишину. В луче тактического фонаря колыхалась серая пелена, от холода по телу побежали мурашки. Эта тишина – она будто осязема, будто укутывает вместе с ядовитой пылью в саван. Осталось только фонарику потухнуть...

Кира двинулась вперёд, прокручивая слова норта в голове, но мысли начинали неудержимый пляс не от слова «предметы», а от слова «мертвецы». Воображение начало свою безумную игру и, гулко хохоча, понесло череду жутких картин перед глазами, и уверяло, что они

ждут её за углом или плывут по ядовитому воздуху за спиной, заставляя замедлять шаг и робко оборачиваться.

Вдруг раздался негромкий треск дозиметра. От неожиданности Кира вскрикнула и выронила фонарь. Тот покатился по закруглённому спуску и исчез за углом. Всё погрузилось в темноту, лишь едва видимый просвет внизу за поворотом.

Киру будто обдало кипятком. Нет, нет, неужели это не сон, неужели это наяву?! В холодной темноте пугающее потрескивание дозиметра, к которому Кира ещё не успела привыкнуть, звучало как-то особо грозно. Белый свет фонаря, лежащего за углом, рассеивающийся в зависшей в воздухе пыли, напоминал какое-то призрачное свечение.

Девушка несколько секунд стояла как вкопанная, чувствуя, как страх, словно лавина, накрывает её. Тело покрыла испарина, стало невыносимо душно, хотя в помещении было довольно прохладно, что из-под маски медленно выплывали клубы пара.

Наконец страх дошёл до такой степени, что оставаться на месте было невозможно, и она бросилась вперёд, споткнулась о скелет и упала, но тут же вскочила. На бегу она схватила фонарь и запрыгнула на ближайшую машину.

Она поводила фонарём по сторонам, держа нож наготове. Наличие фонаря, этого источника спасительного света, вернуло девушке уверенность.

Этот уровень был меньше по площади, и тут было гораздо меньше пыли, она уже не покрывала непроглядным бархатным ковром предметы и стены. Похоже, тут не использовали «порошковики», и это была просто пыль, сквозь которую даже можно было разглядеть цвета автомобилей. Как и наверху, у всех машин были разбиты стёкла на водительских дверях и сомкнуты провода зажигания. Между машин лежало множество скелетов легионеров, но ни одного человеческого или нортовского. Все тела лежали лицом вниз, закрывая его руками. Похоже, они до последнего пытались найти глоток чистого воздуха.

Из этого помещения вёл широкий проезд. Раньше он закрывался воротами, выезжающими из стен, но теперь ржавые железные ворота лежали на полу со множеством вмятин и дыр.

Напротив спуска с верхнего уровня была наполовину открытая дверь с надписью: «ВЕНТ-КАМЕРА. Посторонним вход воспрещён». Из этой маленькой комнатки слабо лился уличный свет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.